

Автор: **Вик ОРЕХОВСКИ**

Один из самых загадочных наших авторов. Несмотря на то, что неоднократно Соционический тип: Критик (Бальзак).
Эл. адрес: ekaburg@mail.ru

Ученик в школе, используя вспомогательный чертеж при решении геометрической задачи, иногда проявляет небрежность, и треугольник, по условиям задачи равносторонний, выглядит как прямоугольный. И это может быть источником ошибки: ученик во время решения забывает задание и приравнивает квадрат "длинной" стороны сумме квадратов двух других.

Нечто похожее, видимо, бывает и в соционике. На фоне деклараций о равноценности и равноважности типов и квадр уважаемые люди пишут вдруг [1]:

Нулевой признак нетрудно сопоставить с ИЛЭ, как начала, точки отсчета, и поскольку этот тип сопоставляется с тождественным отношением. Вполне естественно сопоставить, по крайней мере, с интуитивной точки зрения, СЭИ с признаком экстраверсия-интроверсия – это первый интроверт в соционе и это самый экстравертированный интроверт, так что в этом типе хорошо противопоставляются и сопоставляются полюсы этого признака. Признак интуиция-сенсорика естественно сопоставить с семантическим полем типа ЛИИ – это интуитивный тип, у которого сенсорика находится в наиболее слабых позициях, поэтому нетрудно представить насколько в людях этого типа интуитивное начало противопоставляется сенсорному.

Нетрудно сопоставить, естественно сопоставить и нетрудно представить, что все это – гадание на кофейной гуще. Нетрудно представить, что такой способ **размышлений**

естественен для интуита, но вот неестественно и несолидно столь незрелые гипотезы публиковать.

Продолжающиеся уже длительное время нагромождения этих естественностей просто погребли под собой доказанные факты и обоснованные выводы. Сначала

"естественно" сопоставили ИЛЭ и тождественное отношение, потом "естественно" добавили к этому дуэту "нулевой признак", но если даже автор – ИЛЭ, где его логика? Интроверт СЭИ "сопоставлен" с верностью, потому что он самый крутой экстраверт. Интуит же ЛИИ, наоборот, "сопоставлен" с интуицией-сенсорикой потому что он самый слабый сенсорик.

Произвольность таких выводов слишком бросается в глаза, чтобы предполагать обычную чисто случайную *логическую* ошибку у автора и редакторов. Подобные случаи слишком часты и имеют нечто общее – все они связаны с Альфой в качестве базы для рассуждений. Нарушение симметрии социона – типично альфийский синдром.

Ученику в школе, во избежание ошибок, можно посоветовать не рисовать прямоугольных треугольников, если в условии равносторонние. Авторам соционических работ точно так же можно рекомендовать никогда не начинать рассуждений с ИЛЭ – ибо это чревато конфузом.

Ну а теоретические выкладки вообще из соображений общности должны быть полиморфными: если речь идёт о квадрах, то проводится от лица всех квадр. У интуита, в конце концов, с его интуитскими загибонами должно быть достаточно воображения, чтобы представить, как будет выглядеть то или иное рассуждение от лица другой квадры. Специально для Альфы предлагаю пример: закон сменяемости квадр с позиции Дельты.

При описании функционирования закона сменяемости квадр гегемонию квадр в общественных процессах имеет смысл рассматривать начиная с Дельты. Почему именно с Дельты? Дело в том, что именно гегемония Дельты представляет собой "нормальное состояние", Золотой Век квадральных циклов. Господство других квадр – это отклонение от идеального состояния, поэтому чтобы иметь возможность описать любое из этих отклоненных состояний, надо сначала описать базовое состояние.

Неоднократно предпринимались попытки описать действия квадр, как целостных структур, но все они оказались неубедительными. Это происходило оттого, что при этом пытались представить квадры как одинаковые в смысле ролевой структуры. Но это не так. Реальной структурой обладает только Дельта, а структуры других квадр лишь более или менее успешно подражают распределению ролей в Дельте.

Системные параметры функционирования Дельта-общества контролирует Штирлиц. Он ориентирован на структурное совершенство, порядок, отсутствие рискованных, неожиданных, резких изменений. Он не отвлекается на "возможное", его интересует только "реальное". Благодаря этому общество испытывает большую степень доверия к руководству. Вся система работает как хорошо смазанный отлаженный механизм – без кренов и сбоев.

Конечно, это возможно, если не только система в целом, но и все элементы её действительно совершенны. Эти элементы – вотчина Габена. Именно Габен непрерывно занят поддержанием работоспособности элементов системы, нарабатывая опыт эксплуатации, он совершенствует их.

Совершенствование элементов приводит к тому, что и на системном уровне можно улучшать параметры – и Штирлиц делает это. Его системные новации всегда основаны на уже имеющихся предпосылках в виде задела, созданного Габеном.

При этом Дельта всегда учитывает человеческий фактор: не может хорошо функционировать современная (она всегда современная) человеко-машинная цивилизация, если общество раздирается противоречивыми тенденциями, борьбой самолюбий и амбиций. Но это уже проблема Достоевского. Он задает моральный ориентир, он является общественной совестью. Но при этом он не доктринер, не рутинер – это человек, который, как правило, нравится всем. Даже те, кто придерживается других жизненных правил, не могут обвинить Достоевского в лицемерии, в том, что он требует от других того, на что сам не способен.

Необходимым фактором долговременного стабильного процветания и прогресса является также умение видеть новое – те тенденции, которые ещё не проявились в жизни, но уже на подходе. Впередсмотрящим Дельты является Гексли. Именно он осматривает горизонты в поисках подходящих целей, он формирует вектор движения. Причем только Гексли способен не только обнаружить это новое, но увидеть как это изменит жизнь, что нужно предпринять, чтобы это новое пошло на пользу. К Гексли прислушиваются и Штирлиц, и, особенно, Габен.

Таким образом, Дельта имеет идеальную структуру для хозяйствования.

Отсутствует пересечение полномочий и прерогатив, что исключает внутреннюю конкуренцию и борьбу за ресурсы квадры. В то же время стыковка и взаимодействие максимальны. Немалую роль в гармонии квадрального взаимодействия играет и дух квадры – ориентация на достижение результата не через конкуренцию, не через споры (в Дельте истина рождается не в спорах, а в доверии к профессионализму каждого участника), а в результате надёжного выполнения каждым того, что он должен. Дельта не поощряет амбиций и дурацких розыгрышей.

К сожалению, даже идеал устраивает не всех. Люди забывают о страхе, проблемах. Им кажется, что хотя все хорошо, но могло бы быть и лучше. Им кажется, что малая доля риска не повредит – они забывают, что остановиться в риске и исчислить эту "малую" долю невозможно. Стоит начать и ... Вот так Дельта теряет власть. Во-первых – власть над умами. Общество берёт разгон, отключая тормоза.

Это не значит, что Альфа плохая или специально выбирает дорогу под откос. Она не плохая, она просто неопытная. Робеспьер, сменяющий Штирлица на посту системного администратора, чуть-чуть заглядывает вперед. Он не зацикливается (по своим собственным словам) на том что есть. Его интересуют возможности и он их реализует. Общество теряет плавный ход. Его резко заносит, но Робеспьер уверен, что сумеет удержать руль в руках. Удержать-то он его удерживает, но Альфа почему-то всегда оказывается совсем не там, куда собиралась приехать. И вновь, исправляя ситуацию, Робеспьер жмет на газ. Господство Альфы – это непрерывная смена общественных декораций, провокация изменений ради изменений ("а почему бы не попробовать ещё это?").

Системные проблемы усугубляются тем, что Дюма, сменивший Габена на поприще контроля над элементной базой, отнюдь не озабочен, как заставить лучше работать эти элементы. Его обвинение Габену – элементы системы должны служить людям, а не системе. Поэтому он тоже совершенствует элементы – но только в сторону удобства использования. Это создает Робеспьеру лишние проблемы, но Дюма спокоен: главное – люди.

И в этом ему потакает Гюго, которого язык не поворачивается назвать моралистом. Его мораль – пусть каждый будет счастлив. Он готов помочь каждому – в личном счастье. Общественные проблемы он рассматривает через призму личных проблем членов общества. "Счастливое общество, – говорит он, – которое состоит из счастливых членов". Понятно, что при таком гедонистическом подходе всяк

норовит черпать это самое счастье из общественной кормушки, нисколько не
заботясь о восполнении запасов.

И в то время, как мораль общества и система на уровне элементов ориентированы
на потребление счастья-удобства, а не на его воспроизводство, будущее Альфы
находится в руках Дон-Кихота – человека, вовсе не думающего о том, что принесет
прогресс, которым он озабочен, обществу, людям. Для него новое ценно само по
себе, он способен увлечься любой идеей, лишь бы она была "перспективна". Вот
такие и выдумали всякую генетику, противостоящую своим
Вейсманизмом-Морганизмом [2,стр.67] народному мичуринскому учению,
кибернетику – "реакционную лженауку" [2,стр.236], отождествляющую человека и
машину, соционику – психологию врожденных неизменных типов в противовес
марксистскому учению о роли среды в формировании личности [3].

Господство Альфы характеризуется стремительным падением ответственности.
Надежное функционирование хорошо отлаженного механизма формирования
иерархии целей сменяется конгломератом личных интересов, направленных во все
стороны: на бесконечные изменения структуры управления, на изобретение новых
гипотез, на изменение элементов в сторону удобства, на поощрение личности,
стремящейся к удовольствиям.

Таким образом, две первые жертвы господства Альфы – это нарушение единства
целей и превращение морали в служанку эгоизма. И тогда вступает в дело Бета.
Она упрекает Альфу отнюдь не за те проблемы, которые Альфа принесла
обществу. По мнению Беты Альфа слишком слаба для руководства. Руководить
надо железной рукой, конь должен чувствовать узду, и т. п. Однако в Бете вдруг
оказывается слишком много "сильных" личностей. Максим считает, что Робеспьер
неплох, но слишком отрывается от реальной почвы. Требуется всего лишь немного
порядка. Если хочешь быстро ехать, позаботься о тормозах. А в это время Жуков
идёт напролом. Важна не скорость, а направление. Четкая цель и воля для её
достижения. Дорога к цели должна быть кратчайшей, какие бы ухабы не были на
пути. Только слюнтяи боятся трудностей, сильных они закаляют. И вообще, на
трудном пути сразу видно, кто есть who. Жуков не боится конкуренции: побей меня,
тогда я отдам тебе твое.

О ресурсах системы, понятно уже никто не заботится. Ресурсы только
расходуются: экономно Максимом, безудержно – Жуковым. Человеческий фактор –
тоже ресурс. Но Бета не трясется и над этим ресурсом, гедонизма в ней нет ни

капли. Зато есть специалист по человеческому ресурсу – специалист по использованию его в корыстных целях. Гамлет уступает Жукову в размахе, Максиму – в плановости и понимании деталей, но он непревзойденный манипулятор.

Мораль, которую он навязывает обществу: я отвечаю за все, а вы выполняете мои приказы. Он освобождает от тяжелого, особенно в создаваемом Жуковым и Максимом моральном хаосе, бремени выбора. Гамлет уже все решил, Гамлет все знает, остальные умеют только ошибаться. Никто так не коллекционирует чужие ошибки, как Гамлет.

Трехголовая Бета – Лебедь, Рак и Щука – движется (хочется сказать мечется) рывками. Предсказывать, где она окажется в следующий момент нет никакой возможности. В таком случае, когда нельзя ничего планировать, остается только мечтать.

Поэтому вперёдсмотрящий Беты Есенин – это просто мечтатель. Чем хуже вокруг, тем бесшабашнее мечты. И просто странно, что в раздираемой борьбой за власть Бете эти мечты востребованы. Жуков между двумя ударами по своим успеваешь уловить смысл и усмехнуться, Максим, возводя свои практические постройки, нет-нет, да и оглянется на Есенина. Гамлет же просто настаивает, что Есенин и Гамлет – одно и то же, одна душа, но я – Гамлет, сумею сделать то, что мы с Есениным задумали – рай на земле. После победы над консерваторами и узурпаторами.

Итог господства Беты – полное психическое истощение системы. Все ресурсы истрачены в междуусобице. Элементная база разгромлена. Мораль использована и выброшена. Хаос сменяется пустыней. Не осталось ничего: ни сил, ни ресурсов, ни идеалов, ни целей.

И тут приходит Гамма. Вы не умеете работать, заявляет Гамма, имея в виду, что для работы не надо ресурсов и идеалов. В дело вступает Джек, системный организатор. Джеку не нужны ресурсы, а если и нужны, то так, самую малость. Джек заставит восемь человек работать одной лопатой. Один срезает лопатой пласт, другой, естественно руками, выгребаёт, третий откидывает, четвертый разравнивает... Через полчаса работы на Джека все валятся с ног – наготове другие четверо. Джеку не дают кредит: малы обороты. Джек будет до тех пор перебрасывать три копейки со счёта на счёт, пока оборот не вырастет до ста тысяч долларов.

Наполеон унаследовал претензии Гамлета на руководство системой: руководить надо людьми, а не машинами. Джек не возражает поделиться властью: пусть Наполеон руководит людьми, а я тем, что они делают. Наполеон доволен: все подчиняются. Джек тоже доволен: несмотря на то, что все подчиняются, дело-то делается.

И за всем этим пристально, но недоброжелательно наблюдает Драйзер. Он не особо вникает в то, что люди должны делать, чтобы называться людьми, но он очень хорошо знает, что они не должны делать ни в коем случае. Его мораль антипатична. Даже когда он прав, он всех умудряется настроить против себя.

Перечень недостатков Гаммы неполон без Бальзака. Вот уж кто найдёт проблемы даже в абсолютном вакууме. И всегда такой сосредоточенный, что вы никогда не поймете, куда он смотрит. А смотрит он только в себя. Все свои подсознательные комплексы он формулирует как общественные проблемы, требующие внимания. Даже когда он встает на цыпочки, он не видит дальше прыщика на собственном носу. Конечно, и прыщик на носу может выступать в качестве адекватной модели внешнего мира, но остается загадкой – почему сбываются только негативные прогнозы Бальзака? В силу свойств модели?

Гамма может жить без денег, Гамма может жить без ресурсов, тем быстрее общество устает от Гаммы. Так хочется нормальной жизни: работать и зарабатывать, работать и отдыхать, отдыхать с удобствами. Но при господстве Гаммы всегда всего не хватает – особенно самого необходимого: роскоши. Роскоши при Гамме и быть не может – никому не надо. Только Наполеон иногда спит на пуховой подушке, но разве он этим хвастается? Да и подушка не новая, а досталась от Гамлета, экпроприировавшего её в свое время у Дюма, эксклюзив, раритет.

И тогда вновь приходит черед Дельты. Постепенно, без демагогии и революций работяги Дельты берут в свои руки не столько власть сколько дело. Вновь Габен начинает налаживать вконец износившиеся элементы системы. Вновь на этой возроденной материальной базе Штирлиц строит управление системой. Особая власть над людьми упраздняется: люди не дети, зачем ими руководить? Остается только моральная власть Достоевского, власть личного примера. И энтузиаст Гексли вновь выглядывает в будущем самые соблазнительные возможности.

Таков вечный круг человеческого духа. Нет соблазна, который остановил бы это беличье колесо, но, похоже оно все же куда-то катится... Для тех, кто двигается вместе с ним. И оно неподвижно – для тех, кто только стоит рядом и ворчит.

Литература

1. Чурюмов С. И. Проблема дифференцирующих признаков в психологии и соционике. //Соционика, ментология и психология личности.-2002.- №6.
2. Краткий философский словарь. Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М., Гос. изд. полит. лит., 1954.
3. Лытов Д. А. Диалог с коллегами: на каких условиях? Ч.2: соционика и психологи. //Соционика, ментология и психология личности.-2003.- №6.